

♦ СЕГОДНЯ — 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Столетие со дня рождения Александра Блока торжественно отмечается в нашей стране. Проходят литературные чтения в подмосковных местечках Шахматово и Боблово, в Ленинграде — там, где жил и работал великий русский поэт.

Пришел блоковский праздник и на Кузнецкую землю. В нашем городе к нему приурочен третий городской праздник поэзии, в котором принимают участие молодые литераторы, работники культуры, общественность Новокузнецка.

Сегодня мы публикуем статьи В. Кудасовой и М. Лычагина, в которых авторы говорят о своем отношении к творчеству А. Блока, о его непреходящем значении для каждого советского человека.

„ОН ВЕСЬ — СВОБОДЫ ТОРЖЕСТВО!“

ЧЕМ дальше в глубь десятилетий уходим мы от даты рождения великого русского поэта Александра Блока, тем острее и ближе воспринимаем его творчество. Тончайший и трогательный мир его стихов встречает нас в самом начале жизни, дабы в юности зазвенеть восторгом первой любви и в зрелости оставить потрясение мудростью художника, сохранившего в себе и дарующего нам восторг перед красотой, веру в чудо жизни.

Как мало в этой жизни надо Нам, детям, — и тебе, и мне. Ведь сердце радоваться радо И самой малой новизне. Случайно на ноге карманном Найди пылинку дальних стран — И мир опять предстанет странным, Закутанным в цветной туман!

Должно быть, не случайно сегодня читающие Блока воспринимают его личность и стихи на уровне неизмеримо высокого этического идеала, окружая легендой его редкий облик и удивительно прекрасную поэзию.

У большого, настоящего художника две жизни, разделяемые фактом его физической смерти, — короткая человеческая жизнь и посмертная, может быть, вечная. Блок егорел в пути, продолжая жить в бессмертии.

Путь его был неимоверно трудным, сопряженным с путем большого века, носившего в себе грядущие вихри и ураганы. «Испепеляющие годы» вошли в жизнь и стихи А. Блока, раскаляя сердце поэта.

Мы дети страшных лет России — Забыть не в силах

Этого тревожного ощущения сопричастности своей жизни с судьбой Отечества заполнит Блока в эпоху мрачной столыпинской реакции. А начало было столь далеким. Далеким, по словам поэта, от «жизненных опытов», от потрясений, от мучительных вопросов России.

Детство Блока прошло в атмосфере дворянской, высокообразованной семьи, с умеренно либеральными, гуманистическими воззрениями. Однако не столь крайними, чтобы нарушить атмосферу любви и всеобщего обожания, которая сложилась вокруг будущего поэта. Вспоминая свое детство, Блок говорил о баловне, которого все наперебой холили и лелеяли.

...было как-то Рождество, Когда игра давалась даром, И жизнь всходила легким паром В сусальном звездном синеве...

Пожалуй, вряд ли кто из современников Блока, рожденных в преддверии нового, XX столетия, мог похвалиться столь идиллическими картинками детства и не менее туманным утром юности. Но наряду со спокойной безмятежностью в доме ректора Петербургского университета — деда поэта царил дух высочайшей культуры, восторженной любви к литературе. Все четыре дочери ученого-ботаника А. Н. Бекетова и жена Е. Г. Бекетова имели не просто платонические, но и непосредственно профессиональные связи с литературой. Все это определенным образом формировало будущего поэта и способствовало его «воспитанию чувств». Последнее было доминирующим, как позже отметила М. К. Бекетова — биограф Блока. Непосредственное же приобщение к духовной культуре идет у Александра через мать, которая для Блока значила с самой юной поры необычайно много.

Начало жизни было впоследствии для самого поэта не только страничками отрядных воспоминаний,

но и горьких раскаяний, ибо юноша, с увлечением играющий Гамлета на сцене домашнего театра, отчетливо понимал, что нельзя жить вдали от бурь, «когда плетет коварство сети».

Пускай зовут: Забудь, поэт! Вернись в красивые уюты! Нет! Лучше стигнуть в стужу лютой! Уюта — нет. Покоя — нет.

И так же страстно, как в пору своего поэтического становления, отдаваясь восторженному служению Прекрасной Даме, А. Блок открывает свое сердце на встречу с новым и тревожным миром революционных событий 1905 года. «Знаешь ли ты, что мы те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь, — пишет поэт в 1905 году близкому другу. — Мы сами ждем от себя вихрей. Хочу действительности, чувствую, что близится опять огонь... Хочу много ненавидеть, хочу быть жестче. Старое рушится! Мне кто-то начинает дарить оружие. Какое важное время! Великое время! Радостно!».

«О, Дева, иду за тобой!», — писал А. Блок в стихотворении «Деве-революции!», подчеркивая, как и прежде, в великих явлениях этическое, женственно-прекрасное начало жизни.

Чуткое сердце поэта, в которое «вонзили краснотатый уголок пророка», улавливало малейшие подземные толчки, самые незначительные перемены в жизни своей России.

«Россия — путь, поэт — путник», — говорил он, связывая свою поэтическую судьбу с судьбой Родины.

Русь моя, жизнь моя, вместе ли нам маяться? Царь, да Сибирь, да Ермек, да тюрьма! Эх, не пора ль раслучиться, раскаться...

Вольному сердцу на что твоя тьма? И поэту хочется воздуха, широкой деятельности, здоровой работы. Он рвется в мир стихий, и всякий запрет на свободу переживает как глубоко личную трагедию. Но и в мрачные годы реакции «снега, застилающие землю», дышат в лицо поэта весной.

Вот почему «странный и ничем необъяснимый» для многих поклонников поэта-символиста А. Блока поворот к революции оказался логически верным. В музыке этих октябрьских дней поэт услышал грозный и оглушительный гул. «Гул этот — о великом». В день окончания своей поэмы «Двенадцать» Блок написал в дневнике «Сегодня я — гений». «А гений, — говорил он, — всегда народен». Так был перекинут мост через пропасть, существовавшую ранее, когда, по утверждению беспощадно честного к себе художника, «хранил он к людям на безлюдьи неразделенную любовь».

В годы Октябрьской революции поэт написал слова, в которых заключалась его жизненная программа: «Жить стоит только так, чтобы предельно безмерные требования к жизни, все или ничего, ждать нежданного, верить не в то, что есть на свете. Пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдала нам, ибо она прекрасна!».

Так Россия услышала новый голос любимого своего поэта, призывавшего «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать Революцию.

Испытав в конце своего многотрудного творческого пути величайшее счастье художника, Александр Блок ушел в бессмертие, установив через свое творчество вечную связь с миром.

В. КУДАСОВА,
старший преподаватель
кафедры литературы
педагогического
института.

ГРЯДУЩИМ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

«БЛОКА я считаю величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, — писала Ахматова, — но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени». Литературная деятельность Блока была непродолжительной. Впервые опубликовав стихи в 1900-х годах, он завершил свой поэтический путь в 1918 году поэмой «Двенадцать» и стихотворением «Скифы».

В его первой книге нельзя увидеть тогдашней России. Мистические образы, фантастический пейзаж уводили читателей в какой-то иной, неслыханный мир. Именно первые стихи Блока были восторженно встречены русскими поэтами-символистами.

Свою душу Блок-поэт обещал от действительности:

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

Он заранее презирает того, кто превратит его жизнь в учебник.

Пламя революции 1905 года озарило его душу «кровяными отсветами»: перед ним раскрылся мир народных нужд и угнетения. Под воздействием новых жизненных впечатлений Блок отошел от символических мечтаний и уже не мог продолжать писать по-прежнему.

Именно в это время с ним случилось огромное событие, чудо: он увидел людей и город. Из беспредметного мира он попал в лабиринт петербургских улиц. Человеческих лиц он еще не увидел, но увидел спины, согнутые под тяжким бременем: «Мы миновали все ворота И в каждом видели окне, Как тяжело лежит работа На каждой согнутой спине».

Все дальше уходил Блок от своего звездного мира. Не просто уходит — хочет посягнуть над ним, обвинить его. Поглубже в земное, в грязь, чтобы не было и мысли об ином! Письма Блока, его дневники и записные книжки, начиная с 1905 года, — выразительный комментарий к стихам, рожденным после первой русской революции. Вместе с другими символистами он начал говорить о «ходячих истинах» и «торных путях», потребовал общедоступного искусства — для всех. Язык его стихов перестал быть интимным. Этот период творчества был важен для Блока поисками народности искусства.

Ушла революция, а вместе с ней и надежда на новый радостный мир. Осталась пустота. Это время, с 1908 по 1915 год, было мрачной полудой жизни Блока.

Что делать? Изверившись в счастье, От смеху мы сходим

с ума И, пьяные, с улицы

смотрим. Как рушатся наши дома! Казалось, из этой тоски ему не вырваться. И здесь приходят мысли о России. Прежде его милая была либо святой, либо падшей, либо судьба, либо смерть. Теперь она и святая, и падшая, и судьба, и смерть — имя ее Россия.

О Русь моя! Жена моя!

До боли Нам ясен долгий путь! Наш путь — стрелой татарской древней воли Пронзил нам грудь.

Блок написал эти стихи в далеком от поля Куликова Шахматово летом 1908 года. В строках этих воедино слиты интимнейшие движения души и «бури и тревоги» времени. Поэт назвал Куликовскую битву «символическим событием русской истории», которой суждено возвращение:

И вечный бой! Покой нам только снится. Сквозь кровь и пыль... Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль...

Не случайно Блок почувствовал связь двух великих событий в судьбе Отечества — Куликовской битвы и грядущей революции. В годы тяжелой реакции, после поражения первой русской революции он осознает себя звеном непрерывной исторической цепи, сохранив веру в Родину. С каждым годом все напряженнее становилось ожидание поэтом тех «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей», о которых он сказал в своей поэме «Возмездие». К 1913 году относится предсказание, сделанное поэтом: «...Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жаждою смотрит в глаза другой...». Пророческий образ!

Александр Блок сразу, не колеблясь, принял Октябрьскую революцию. Но именно летом 1917 года случилось событие, заставившее Блока с новой определенностью взглянуть на судьбу страны. Это его работа в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством «для расследования противозаконных действий бывших министров, главнуправляющих и других высших должностных лиц...». Около 60 высших сановников бывшей империи прошло через комиссию. Допросы, показания свидетелей, снова допросы. Пестрая галерея лиц, иногда не вполне психически нормальных, иногда, напротив, мыслящих путающе рационально. Закулисный быт высших сфер, картина скудости ума и растления души — все это потрясло. «Это увлекательный роман с тысячью

действующих лиц и фантастическими комбинациями, в духе более всего Достоевского... называется историей русского самодержавия XX века», — записывает Блок свое главное впечатление.

Блок постепенно стал понимать, что у комиссии очень узкие цели. Чрезвычайная комиссия превратилась в регистратора преступлений царского режима. Особенно возмущало Блока неуважение, пренебрежение к народу: «Нельзя оскорблять никакой народ приспособлением, популяризацией. Вульгаризация не есть демократия. Со временем народ все оценит и произнесет свой суд, жестокий и холодный, над всеми, кто считал его ниже, кто не только из личной корысти, но и из-за своего интеллигентского недомыслия, хотел к нему «спуститься». Народ наверху, кто спускается, тот проваливается», — записал поэт 8 июня.

Проблема народа и интеллигенции составляла главную тему размышлений Блока летом 1917 года. Под влиянием знакомства с бывшей правящей клякой росла уверенность Блока в справедливости грядущего возмездия, и оформились образы «Двенадцати». Главная тема поэмы — вера в народ, в его судьбу. Все творчество Блока было подготовкой, предчувствием «Двенадцати». События надежды далеки от когда-то привидевшегося ему идеала, но они зажгли тот пожар, о котором Блок тосковал столько лет:

Эй, встань, и загорись, и жги! Эй, подними свой верный молот, Чтоб молнией живой расколот Был мрак, где не видать ни зги!

Революция дорога ему тем, что она воплотила в себе русскую народную бунтующую душу... Первые поэма была напечатана в газете «Знамя труда» 18 февраля (3 марта) 1918 года, а в мае вышла отдельным изданием (вместе со стихотворением «Скифы»). «Двенадцать» созданы «первым поэтом современности», надежденным «огненным гражданским чувством», чье сердце «билось грядущим», — писал Андрей Белый.

Блок — величайший из поэтов XX века. Он сам «человек-эпоха», который хотел:

...безумно жить: Все сущее — увековечить. Безличное — очеловечить, несбывшееся — воплотить!

М. ЛЫЧАГИН,
научный сотрудник
Новокузнецкого
краеведческого музея.

♦ ТРЕТИЙ ГОРОДСКОЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Эпиграф к творчеству молодых

Третий городской праздник поэзии шагнул и сюда, в клуб «Юного книголюбца» СГПТУ-10. Читальный зал библиотеки не вмещал всех желающих послушать всех признательности Александру Блоку, столетие со дня рождения которого отмечает вся страна.

Преподаватели училища Т. Н. Лопатина, Л. А. Здорнова и Л. В. Денисова организовали выставку о творческом пути поэта, отдавшего свое перо на службу революции, социалистическим идеалам.

Для нас, его благодарных потомков, эти слова звучат

как клятва верности завоеваниям Великого Октября. И ничего удивительного нет в том, что в стихах Николая Николаевского, Александра Рапопорта, Владимира Петраша и Владимира Горбаса, прочитанных авторами на этом вечере, уделено внимание преемственности поколений,

утверждаются активные жизненные позиции нашего современника, гражданственности.

Знаменитые слова Александра Блока «И вечный бой! Покой нам только снится!» стали эпиграфом к творчеству начинающих поэтов.

На вечере поэзии прозвучали стихи Александра Блока, литераторов города и области в исполнении учащихся СГПТУ. Одним словом, вечер, организованный городским отделением общества книголюбцев и преподавателями училища, надолго оставит впечатление в сердцах юных любителей поэзии.

В. СКЛЯРЕНКО.